

Е.А. Гаврилина

Редукция человеческой агентности в технологическом контексте

Гаврилина Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: gavrulina@inion.ru. Доцент. МГТУ им. Н.Э. Баумана. Российская Федерация, г. Москва, 105005, 2-я Бауманская ул., д. 5; e-mail: gavrulina@bmstu.ru

Технологическое развитие и его влияние находятся в фокусе внимания философов, социологов, психологов и экономистов уже давно. Одно из первых описаний последствий развития техники было сформировано у К. Маркса. Это феномен отчуждения, из-за которого человек какой-то своей частью становится только функциональным и тем самым как бы редуцирует свою человечность, частью которой является наша способность действовать. Таким образом, можно показать, что редукция человеческой агентности связана с планомерной объективацией человека. С другой стороны, все больше рутинных привычных действий, особенно в сфере труда, но и в других областях деятельности, делегируются технологическим устройствам, что можно рассматривать как усиление человеческой объективации, отчуждения от собственных целей и смыслов. Одновременно происходит и объективация телесности, что парадоксальным способом может привести к воззрениям, которые лежат в основе современных трансгуманистически ориентированных подходов. В статье предпринята попытка эксплицировать эту связь и показать ее влияние на редукцию человеческой агентности. Безусловно, этот вопрос требует дальнейшего теоретического изучения.

Ключевые слова: агентность, объективация, субъективация, делегирование, трансгуманизм

Люди исчезают, их места занимают вещи.
По мотивам «Берлинского детства на рубеже веков» В. Беньямина
[Беньямин, 2012]

К концу XX в. изыскания, связанные с изучением взаимодействия технического и социального, стали развиваться в том числе и в рамках так называемых исследований общества, науки и технологий (STS – исследований, англ. Science and Technology Studies или Science – Technology – Society Studies). Большая их часть разрабатывается в русле ранних исследований Латура, осуществившего описание рутинных практик формирования научного факта [Латур, Вулгар, 2012] в рамках так называемой акторно-сетевой теории (АСТ, англ. actor-network theory (ANT)). Охват всего объема приложений и рецепций АСТ представляется очень трудной задачей, потому что благодаря успеху идей М. Каллона, Б. Латура, Дж. Ло и А. Мол, ее (теории) масштабная экспансия на области различных дисциплин привела к тому, что объем этот стал поистине огромным [Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017]. Однако я полагаю, что для исследования редукции человеческой агентности в технологическом контексте и нарастающей «объективации» человека можно обратиться к эвристическому потенциалу АСТ. В частности, к базовой посылке АСТ о том, что разные научные теории конвенционально редуцируют разнообразные феномены к проявлениям некоторых онтологий – первичных реальностей – социальной, культурной, биологической и др., однако эта базовая конвенция не может быть выполнена. Латур писал: «Никакая вещь сама по себе не может быть сводима или несводима к другой» [Латур, 2015, с. 220]. Фактически это означает, что разные объекты описания и разные языки описания, несмотря на всю их гетерогенность (природа и культура, естественное и искусственное, человеческое и нечеловеческое и др.), оказываются рядоположенными, способными к действию и взаимодействию акторами, а их специфика определяется именно через систему этих действий и взаимодействий [Напреенко, 2015]. В таком контексте встает вопрос о положении человека в мире действующих и взаимодействующих нечеловеческих акторов. И этот вопрос видится органично связанным с идеей «объективации» человека и редукции его агентности. Собственно, цель статьи и состоит в том, чтобы предпринять попытку эксплицировать эту связь.

Рецепции технического: ретроспектива

Любопытно, что нечеловеческий мир АСТ мыслится как следствие в некотором роде законосообразного развития техники и ее рецепций. Приведу краткую историю последних.

Античность в осмыслении техники и технологий, с одной стороны, была очень значимым этапом, выделив их как самостоятельную сферу практики, но при этом на этом этапе присутствовала большая ориентация на накопление практических ремесленных навыков. Эти практические навыки встраивались в научно-рациональный способ освоения мира. Средние века характеризуются относительно небольшими успехами в технике. Во-первых, техника в них,

в продолжение идей Античности, рассматривалась в большей степени как практическое мастерство строителя, изобретателя, т.е. как ремесло. Во-вторых, в развитии техники господствовал практицизм, когда методом проб и ошибок в течение многих лет, а то и жизни целых поколений, отбирались технические решения, необходимые для практики. Ну и, наконец, при жестком ограничении ресурсов изобретатели и строители могли идти лишь на минимальный риск. Третий этап становления технического и его рецептов обычно связывают с эпохой Возрождения, когда в технической практике начинают регулярно применяться научные знания и формирующийся авторитет науки воспитывает веру в могущество разума, а следовательно, и в беспредельность могущества человека. Далее, с формированием и выделением в качестве самостоятельной ветви научного знания – знания технического, произошел серьезный сдвиг в понимании технического и осознании специфики активности, в которой это техническое производится, – инженерной деятельности. В XIX в. с появлением массового машинного производства, расширением масштаба инженерной деятельности наука, развивающаяся почти до конца XIX в. в какой-то мере в стороне от техники (хотя и остававшаяся все-таки технически ориентированной), стала приходить в тесное соприкосновение с практикой, теперь уже на производственно-промышленной основе (телеграф, электричество, паровой двигатель и т.п.), хотя эта связь была еще несистематической. Новый уровень взаимодействия науки и техники уже в XX столетии был обусловлен усложнением структуры технических объектов и технологических процессов, дифференциацией инженерной деятельности, меняющей соотношение между познавательной и проектировочной деятельностью. Применение научных знаний и методов расчета становится единственно возможным условием и средством успешной деятельности инженера, что поставило задачу соединения естественнонаучных, математических и научно-технических знаний с инженерной практикой. Кроме того, наряду с техническими науками классического типа в XX в. появились нетрадиционные комплексные научно-технические дисциплины, такие как системотехника, теория автоматического регулирования, теория дизайна, информатика, эргономика и др. Для такого типа научного знания характерно отсутствие единственной базовой теории, так как объекты, которые оно изучает и описывает, являются сложными техносистемами, включающими как саму технику, так и инфраструктуру, обеспечивающую ее функционирование в определенных социокультурных условиях. Таким образом, можно сказать, что рецепты технического постепенно усложнялись, что привело в итоге к пониманию технического, как некоей глобальности с включением в нее и других видов человеческих практик и самого гуманитарного начала [Степин, Горохов, Розов, 1999, web; Розин, 2001; Гаврилина, 2006].

В таком контексте представляется любопытным проследить историю «объективации» человека и «субъективации» техники, то есть, по сути, наделение артефакта, актанта возможностью действовать. Согласно Латуру: «Действовать – значит опосредствовать действия другого» [Латур, 2006, с. 190]. Например, «действующими» представляются системы типа Siri или автоматизированная система тушения пожара, чайники и столы и т.п.

Отчуждение, овеществление, объективация: динамика понимания

Рецепцию «объективации» человека принято возводить к размышлениям К. Маркса об отчуждении труда [Маркс, 1960а] и частичном рабочем [Маркс, 1960б]. Любопытно, что, выражая антипозитивистские взгляды, Маркс в целом опирался на наиболее значимые дихотомии, сформированные в просвещенческом идеале, противопоставляя природу и общество, материальное и идеальное и др. Давая линейную и в целом прогрессистскую интерпретацию истории, Маркс в своей антропологии выделял производительный труд как специфическую характеристику человека, характеристику, позволившую изменять природу и материальный мир. Благодаря труду человек смог овладеть природными стихиями, но в результате отчуждения от созданных им самим в процессе труда сущностей (производительных сил и общественных отношений) человек оказывается отчужденным от результатов своего труда, от процесса труда, от общества и от себя самого. Важную роль в преобразовании природы играла создаваемая человеком техника. Маркс включал ее, наряду с человеком, силами природы, наукой, формами и способами организации труда и производства, в производительные силы. Революция в производительных силах осуществлялась в первую очередь как революция технологическая, а уже после этого происходила революция в производственных отношениях. В тринадцатой главе «Капитала» Маркс показывает, как изменение техники от простого орудия до крупной машины, используемой в машинном производстве, приводит к тому, что машина-автомат становится автократом, а рабочий становится ее живой принадлежностью, сопротивление которой машина стремится преодолеть. Он писал: «Движение и деятельность средства труда приобретает в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным *perpetuum mobile*, который производил бы непрерывно, если бы он не наталкивался на известные естественные границы со стороны своих помощников – людей, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, – а в качестве такового автомат обладает в лице капиталиста сознанием и волей, – средство труда поэтому воодушевлено стремлением довести противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы до минимума» [Там же, с. 414]. Фактически Маркс декларирует, что не люди с их потребностями и интересами, а производительные силы общества в форме машинного производства выступают субъектами исторического процесса. Пока просто отметим тот факт, что субъект исторического процесса не является человеческим. Человек – придаток машины, а значит, главное в нем – функциональность в обслуживании этой машины.

Следующий шаг в понимании объективации человека делает, дальше развивая идеи Маркса о товарном фетишизме, Дьердь (Георг) Лукач. Лукач фиксирует, что фетишизация товарного обмена в современном ему капиталистическом обществе является специфической чертой такого общественного устройства и это приводит к тому, что «отношение, связь между лицами [Personen] приобретает вещественный характер и тем самым – “призрачную предметность”, которая своей жесткой, с виду совершенно замкнутой и рациональной, автономной

закономерностью стирает всякий след своей фундаментальной сущности, отношений между людьми» [Лукач, 1923, web]. Любопытно, что понятие фетишизма Маркс и его последователи, в частности Лукач, интерпретируют в духе европейского подхода к политеистическому религиозному феномену. Подобно тому, как в некоторых религиозных системах объект поклонения наделяется некоторыми сверхъестественными чертами или возможностями, так и товар в марксистской картине мира наделяется автономией, и ему приписываются онтологические характеристики, в том числе всепроникающая способность опосредствовать отношения между людьми. Таким образом, свойства объектов и общественных отношений становятся особым образом овеществленными или «вещеобразными».

Согласно Лукачу, механизация, специализация, а как следствие, и рационализация труда и общественной жизни, ориентированная на калькулируемость, разбивают человеческий опыт на фрагменты, а это, в свою очередь, приводит к пассивной адаптации человека к воспринимаемой законосообразно общественной системе «второй природы» и к объективирующему взгляду на психологические характеристики и способности самого человека. Лукач пишет в «Овеществлении и сознании пролетариата»: «Превращение отношения между товарами в вещь с “призрачной предметностью”, таким образом, не может остановиться на том, что все предметы, удовлетворяющие потребности, становятся товарами. Оно запечатлевает свою структуру на всем сознании человека: его свойства и способности уже больше не сливаются в органическом единстве личности, а выступают как “вещи”, которыми он “владеет” и которые он “отчуждает” точно так же, как разные предметы внешнего мира. И не существует, естественно, никакой формы отношений между людьми, ни одной возможности у человека проявить свои физические и психические “свойства”, которая бы не подпадала все больше под власть этой формы предметности» [Там же]. Таким образом, получается, что отчуждение фиксирует общее состояние человеческой отстраненности от создаваемого им мира и общественных отношений, а овеществление представляет собой особую форму отчуждения, выраженную в товарном фетишизме. А это, в свою очередь, означает, что объекты становятся субъектами, а субъекты – объектами. В итоге субъекты предстают пассивными и детерминированными извне, а объекты становятся активными и детерминирующими факторами. Отметим также и этот факт. Не знаю, насколько подробно Бруно Латур читал Маркса и Лукача, если читал вообще, но параллель между миром капитализма, в котором живет овеществленный человек, и миром человеческих и нечеловеческих актантов, действующих как гетерогенная сеть, мне кажется вполне очевидной. Гипостазия овеществления становится основой сформированной гораздо позже проектной культуры, в предельно технократическом виде лозунг которой можно обозначить как утверждение о том, что все, что задумано, рассчитано и описано, может быть сделано, реализовано в мире вещей [Раппопорт, 1991, web].

Еще одним, как представляется, важным следствием проведенного анализа становится понимание овеществления и человеческого тела тоже, артикулированное восприятие собственного тела как объекта для разного рода манипуляций [Лист, 2009]. Остановимся более подробно на этой идее.

Тело как объект для манипуляций

Тело, с одной стороны, выступая первичной сферой любого человеческого опыта, с другой стороны – всегда, так или иначе, подвергалось воздействию той культуры и тех форм человеческих взаимоотношений, где это тело находилось. Практики освоения тела в разных человеческих сообществах довольно сильно отличаются друг от друга и, как правило, имеют специфическое метафорическое содержание: «тело, как сосуд греха», «тело, как темница души», «в здоровом теле здоровый дух» и т.п. Опуская полноценный анализ телесности в контексте социального мира, так как он не находится в фокусе моего внимания, я хочу упомянуть Мишеля Фуко, затронувшего проблематику телесности во многих своих работах. Идеи Фуко о теле в контексте моего размышления привлекают меня только в аспекте его представлений о том, что через определенные дисциплинарные практики человеческое тело можно сделать максимально социально продуктивным. В «Надзирать и наказывать» Фуко писал: «В классический век произошло открытие тела как объекта и мишени власти. Не составляет труда найти признаки пристального внимания к телу – телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинуетя, реагирует, становится ловким и набирает силу. Великая книга о Человеке-машине создавалась одновременно в двух регистрах: анатомо-метафизическом – первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой – о функционировании и объяснении: **теле полезном** (выделено мной. – Е.Г.) и теле понимаемом» [Фуко, 1999, web]. Здесь видится связь с функционализацией, то есть объективацией и овеществлением тела. Именно это создает возможность специфического отношения к телу как к чему-то вещному, проектируемому и изготовимому, как к объекту для технических манипуляций.

Человек становится частью социотехнической системы, а проектирование современных сложных социотехнических систем – это проектирование без прототипов [Раппопорт, web; Раппопорт, 1991, web]. Прототип – своего рода некий «идеальный тип» (в веберовском смысле) создаваемого объекта. Без него проектирование невозможно, потому что именно через прототип, через некоторый зафиксированный образ будущего изделия, продукта, человек только и может начать воплощать его в артефакте. В создании материальных объектов мы всегда создаем нечто определенное – самолет, станок, здание, завод и т.п. Фактически в проектировании артефактов и технических систем всегда можно найти тот или иной прототип, который и задает параметры будущего реального объекта, включая и его ограничения. Это, однако, не означает, что прототипы не могут изменяться со временем. Разумеется, время от времени инженеры были вынуждены решать принципиально новые задачи, фактически создавая новые прототипы. Но они всегда могли опираться на предшествующий опыт технологически и эстетически. Довольно часто новые прототипы

представляют собой новые комбинации известных ранее принципов. Не так обстоит дело в проектировании социотехнических систем – здесь часто приходится решать задачи, которые раньше даже не мыслились как возможные. Поэтому часто прототипов для их решения нет, и дело не только в профессиональной компетентности разработчика этих новых объектов. Здесь речь идет о том, что искомый прототип просто отсутствует в профессиональной традиции. И, конечно, здесь возникает ряд вопросов. Например, возможно ли при проектировании объектов, в которые человек оказывается включен как структурный элемент, идти путем «проб и ошибок», какова цена этих ошибок, насколько она приемлема и как она изменится в мире глобальном, насколько деятельность по созданию этих систем может подчиняться технической рациональности и насколько в ней должны учитываться социокультурные аспекты, можем ли мы здесь использовать традиционные технико-технологические подходы или необходимо разрабатывать новые способы организации технической и инженерной деятельности? И, наконец, каковы последствия спроектированного технического вмешательства в телесность человека?

Эксцентрическая позициональность в технологизированном мире

Принципиальное значение для понимания последствий технического вмешательства в телесность человека имеет категория эксцентрической позициональности, в которой человек одновременно осуществляет дистанцирование от собственного телесного бытия и объективирует самого себя как вещь внешнего мира [Плеснер, 2004]. Эта способность является предпосылкой технического вмешательства в жизненные взаимосвязи организмов. Дистанцирование от собственной телесности и связанного с ним переживания субъектности посредством символизирования тела в вещь внешнего мира или виртуального мира репрезентаций есть предпосылка для ремесленно-технического манипулирования с ним. В таком контексте можно говорить о техническом вмешательстве в человеческий организм фактически только с XIX в., так как с точки зрения истории медицины и биологии в изучении человеческого организма первоначально решающую роль играли исследования тел умерших, то есть неживого, что вполне вписывалось в субъект-объектный дискурс. Вопрос же об эффектах подобных действий и их контролируемости при вмешательстве в живой человеческий организм – по сути есть вопрос о том, как вмешательство в физическое тело, которым мы являемся, воспринимается нашим телом, как оно на него влияет и как опосредует наше поведение. Это, в сущности, вопрос о том, изменяется ли качество нашего бытия, как живого и разумного, и в каком направлении. Стоит отметить, что способность деперсонализироваться не является уж совсем новой. Например, в ранней истории антропогенеза процесс отрыва мышления, действия и восприятия от тела посредством механизации, при котором функции добычи и первичной обработки пищи перешли к руке, привел к «вокализации» и развитию языка, что одновременно означало переход к культурной форме жизни. Подобный же процесс имел место и в период первой промышленной революции, когда изобретение механизмов

и станков привело к «освобождению руки», то есть к освобождению от тяжелых работ и одновременно к существенному повышению производительности труда, что позволило активнее развивать другие сферы человеческой активности [Лист, 2009]. Сейчас, по сути, процесс объективации человеческого тела, связывания его с технологическим, выводит нас в точку пересечения различных возможных траекторий дальнейшего существования человека. К чему может привести отказ в пределе от биологического тела? Можно ли теперь утверждать, что живое человеческое тело (и/или его части) вступило в эпоху своей технической воспроизводимости? Здесь тоже возникает важный троп для моей аргументации – тело становится не только функциональным, но проектируемым, то есть становится объектом манипуляций. Закономерно встает вопрос о доступной глубине этих манипуляций.

Ханс Моравец предложил проанализировать один из возможных сценариев, связанных с технологизацией телесности. Исходным его пунктом является момент, когда технологии протезирования окажутся настолько усовершенствованными, что их применение позволит с успехом заменить любые органы, включая нервную систему. Следующий шаг мог бы состоять в том, что и сам мозг как биологический и потому смертный механизм заменяется технической аппаратурой. Таким образом, это был бы «уже не мозг в контейнере, который управляет искусственным телом, но искусственное замещение того, чем некогда был человеческий мозг... Мы имеем теперь полностью искусственную систему, которая осознает себя как человеческая сущность и соответственно действует. От нашего первоначального тела не остается больше никаких следов, но наши мысли и наше сознание продолжают жить» [Moravec, 1993, p. 84]. Подобный мыслительный эксперимент предполагает полную передачу всего содержания сознания машине-мозгу, то есть то, что на жаргоне компьютерной технологии называют Downloading. Моравец продолжает: «После Downloading наша личность состоит лишь из некоего образца, записанного на электронной аппаратуре. Вместе с тем должны найтись пути, позволяющие перенести также и наш дух на аппаратуру похожего типа, подобно тому, как компьютерные программы и данные могут быть перенесены с одного процессора на другой. Вслед за этим мы будем состоять уже не из аппаратуры (Hardware), но из программного обеспечения. Это не только позволит пересылать подобно факсу наше сознание из одного места в другое, но и даст возможность переносить по тем же каналам коммуникации также и все компоненты нашего духа. Последнее же сделает возможной ситуацию, когда одна часть нашего духа находится здесь, другая – там, наше сознание – еще где-нибудь, но все эти личностные компоненты связаны между собой каналами коммуникации» [Ibid., p. 85].

Может ли здесь идти речь о «духе без тела»? Скорее нет, говорит Моравец, показывая, к чему ведет попытка упразднения всякого опыта телесности: «Человеку, который лишен полностью всех чувственных ощущений, совсем не хорошо. После двенадцати часов в резервуаре с соответствующим температурой тела раствором поваренной соли, когда на коже не остается почти никаких ощущений, при абсолютной темноте и тишине, при минимальном запахе, вкусе и дыхании, у испытываемых лиц наступают галлюцинации... Наш

дух тем самым восстанавливает утраченную функцию телесности» [Moravec, 1993, p. 85].

Стоит отметить, что в указанном сценарии не обсуждается техническая реализуемость подобного сценария, также речь идет не об упразднении человека, скорее о его улучшении посредством технического мимезиса. Но мимезис всегда строится через подражание и контроль над определенными функциями (практически биополитика в чистом виде). Контроль необходим, чтобы сохранялась эмпирическая воспроизводимость технологических (или в этом контексте – биотехнологических) процессов. Контроль стремится к устранению случайности и контингентности, то есть опять же применительно к человеку, его индивидуальности и субъективности, что часто приводит и к утрате субъектности. Проект объективации, таким образом, последовательно ведет к новому пониманию субъекта – человека, объекта – артефакта и их взаимосвязи, а также, возможно, появлению субъекта нечеловеческой природы. Что, фиксируя неопределимость границ социального, парадоксальным образом подводит нас к спектру идей, разрабатываемых в пространстве трансгуманизма.

Связь акторно-сетевой теории и трансгуманистических идей

Трансгуманизм сейчас воспринимается как способ размышлений о будущем, но в этих размышлениях человек рассматривается, скорее, как начальный этап эволюции. Сами приверженцы этих идей определяют понятие трансгуманизма двояко, как: «(1) Изучение результатов, перспектив и потенциальных опасностей использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей. (2) Рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека» [Что такое трансгуманизм, web]. Для меня любопытным оказался тот факт, что Стив Фуллер, известнейший исследователь социальности и STS, переключил свое внимание на изучение трансгуманизма [Fuller, 2011]. Он говорит о том, что похожее мировоззрение было у футуристов в начале XX века, и актуализацию их идей он связывает с развитием ультрамодернизма [Фуллер, 2018, с. 8]. Ключевое отличие ультрамодернизма от модернизма – более секулярный характер последнего, потому что трансгуманизм бросает вызов основной экзистенциальной идее модерна: смысл жизни дан бытием-к-смерти. Трансгуманизм говорит об иммортализме и усовершенствовании человеческих возможностей, а также о возможном включении в круг социальных субъектов животных и искусственного интеллекта.

Противопоставляя себя Латуру, Фуллер определяет последнего противоречиво: и как постгуманиста, говорящего о децентрализации человека и распределении его ценности равным образом между «человеками» и «нечеловеками», и одновременно как ультрамодерниста, озабоченного поисками специфических признаков человека, при этом готового их расширить, даже выходя за рамки биологических

ограничений. И, по мнению Фуллера, STS сейчас находятся в хорошем положении, чтобы изучать трансгуманистические идеи, потому что STS связаны с поиском ошибок и очень открыто относятся к риску, воспринимая его не как угрозу, а как возможность [Фуллер, 2018]. В том числе возможность менять телесность, становиться частью разнообразных социотехнических систем или гибридных ассамблей и действовать в сетевом мире не только человеческих субъектов.

Заключение

Завершая свои размышления, я хочу зафиксировать кратко ту траекторию, по которой шла моя мысль. Начав с описания ирредукционизма и наделения агентностью нечеловеческих акторов в STS, а также обратившись к анализу отчуждения и овеществления человека в марксистской парадигме, я отметила предпосылки появления специфики STS – подхода в идеях Маркса и Лукача. В некотором смысле, описывая отчужденного человека, Маркс и последователи ставили его в один ряд с другими действующими акторами (машинами), делая последние (в структуре производственных сил) субъектами исторического процесса. Это, безусловно, снижение человеческой агентности, потому что теперь не только человек выступает субъектом мировых процессов. Также в работах Маркса и Лукача была замечена предпосылка функционального отношения к телу и телесности, что позволило начать относиться к нему (телу) как к объекту внешнего мира и задало, следовательно, возможность его (тела) проектируемости и изготовимости. Далее я показала, что такой подход во многом свойственен сфере трансгуманизма, и это тоже связано с редукцией агентности человека, потому что, когда мы начинаем мыслить об изготовлении тела (в широком контексте), мы фактически лишаем его носителя субъектности и способности действовать органически. Таким образом мы оказываемся в весьма причудливом круге идей, выросших из очень разных традиций, но так или иначе приходящих к неизбежности редукции человеческой агентности посредством технологий. Таким образом, можно зафиксировать, что основная цель статьи – экспликация связи между категориями агентности и отчуждения, а также выявление влияния технологического прогресса на снижение человеческой агентности – достигнута. Разумеется, данный текст представляет собой лишь одну из возможных траекторий теоретического описания положения человека в техносреде, и вопрос отношения к этому и поиск иных способов описаний пока остается открытым.

Список литературы

Беньямин, 2012 – *Беньямин В.* Берлинское детство на рубеже веков / Пер. Г.В. Снежинской; науч. ред. А.В. Белобратов. М.; Екатеринбург: Ад Маргинем Пресс: Кабинетный ученый, 2012. 144 с.

Гаврилина, 2006 – *Гаврилина Е.* Инженерное творчество в информационном обществе: типология, динамика, критерии оценки инженерной компетентности: дис. ... канд. филос. наук. М.: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана, 2006.

Латур, 2006 – *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 169–199.

Латур, 2015 – *Латур Б.* Пастер. Война и мир микробов, с приложением «Несводимо» / Пер. А.В. Дьякова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. 316 с.

Латур, Вулгар, 2012 – *Латур Б., Вулгар С.* Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию / Пер. А.Г. Кузнецова // Социология власти. 2012. № 6–7 (1). С. 178–234.

Лист, 2009 – *Лист Э.* Техническая эксцентричность / Пер. Д.В. Ефременко // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты (ежегодник). Человек и мир киборгов. М.: URSS, 2009. С. 178–197.

Лукач, 1923, web – *Лукач Д.* Овеществление и сознание пролетариата. 1923. URL: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/06.htm (дата обращения: 20.02.2022).

Маркс, 1960а – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. С. 41–174.

Маркс, 1960б – *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 907 с.

Напреенко, 2015 – *Напреенко И.* Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 108–121.

Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017 – *Писарев А., Астахов С., Гавриленко С.* Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 1–40.

Плеснер, 2004 – *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.

Раппопорт, 1991, web – *Раппопорт А.Г.* Границы проектирования // Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». 1991. URL: <http://www.fondgr.ru/lib/journals/vm/1991/1/v911rpp0> (дата обращения: 20.02.2022).

Раппопорт, web – *Раппопорт А.Г.* Проектирование без прототипов / Библиотека. Тексты московского методологического кружка и других интеллектуальных школ, включенные в работы PRISS-laboratory // Сайт лаборатории проектирования и исследования социокультурных и социотехнических систем. URL: http://priss-laboratory.net.ru/library/library_garreport.htm (дата обращения: 20.02.2022).

Розин, 2001 – *Розин В.М.* Философия техники. М.: NOTA BENE, 2001. 456 с.

Степин, Горохов, Розов, 1999, web – *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1999. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5348> (дата обращения: 27.05.2022).

Фуко, web – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=95796> (дата обращения: 20.02.2022).

Фуллер, 2018 – *Фуллер С.* От социальной эпистемологии к Humanity 2.0. Интервью // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 1–30.

Что такое трансгуманизм, web – Что такое трансгуманизм? // Сайт российского трансгуманистического движения. URL: <http://transhuman.ru/faq#transhumanism> (дата обращения: 20.02.2022).

Fuller, 2011 – *Fuller S.* Humanity 2.0. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 280 p.

Moravec, 1993 – *Moravec H.* Geist ohne Körper – Visionen von der reinen Intelligenz // *G. Kaiser, D. Matejkovsky, J Fedrovitz* (Hg.) Kultur und Technik mit im 21. Jahrhundert. Frankfurt a/M., New York, 1993. 439 s.

Reduction of human agency in a technological context

Elena A. Gavrilina

Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Science (INION RAN). 51/21, Nakhimovskii Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: gavrilina@inion.ru. Bauman Moscow State Technical University. 5, 2nd Baumanskaya str., Moscow, 105005, Russian Federation; e-mail: gavrilina@bmsu.ru

Technological development and its impact are in the focus of attention of philosophers, sociologists, psychologists and economists for a long time. One of the first descriptions of the consequences of the development of technology was formed by Marx. This is a phenomenon of alienation, because of which a person becomes by some part of him- or herself like functional elements of technical system. This functionality and fragmentality can reduce his or her humanity, the part of it is, as known, our ability to act, including our goals and meanings. Thus, it can be shown that the reduction of human agency is associated with the systematic technological objectification of a person. On the other hand, more and more routine habitual actions, especially in the field of work, but also in other fields of activity, are delegated to technological devices, which can be considered as strengthening human objectification, alienation from one's own goals and meanings. At the same time, the objectification of physicality, our body also occurs, which in a paradoxical way can lead to views that underlie modern transhumanistically oriented approaches. The article attempts to explicate this connection and show its influence on the reduction of human agency. Of course, this issue requires further theoretical study and discussions.

Keywords: agency, objectification, subjectification, delegation, transhumanism

References

Benjamin, W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov* [Berlin Childhood around 1900], trans. by G.V. Snezhinskaya, ed. by A.B. Belobratov. Moscow, Ekaterinburg: Ad Marginem Press; Kabinetnyi uchenyi Publ., 2012. 144 pp. (In Russian)

“Chto takoe transgumanizm?” [What is transhumanism?], *Sait rossiiskogo transgumanisticheskogo dvizheniya* [Website of the Russian Transhumanist movement] [<http://transhuman.ru/faq#transhumanism>, accessed on 20.02.2022]. (In Russian)

Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish], transl. by V. Naumova, ed. by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999. 480 pp. [<http://www.e-reading.club/book.php?book=95796>, accessed on 20.02.2022]. (In Russian)

Fuller, S. “Ot sotsial'noi epistemologii k Humanity 2.0. Interv'yu” [From Social Epistemology to Humanity 2.0. Interview], *Logos*, 2018, vol. 28, no. 5, pp. 1–30. (In Russian)

Fuller, S. *Humanity 2.0*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 280 pp.

Gavrilina, E. *Inzhenernoe tvorchestvo v informacionnom obshchestve: tipologiya, dinamika, kriterii ocenki inzhenernoj kompetentnosti: dis. ... kandidata filosofskix nauk* [Engineering creativity in the Information Society: typology, dynamics, criteria for assessing engineering competence: Diss. ... PhD, Philosophy]. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publ., 2006. (In Russian)

Latour, B. *Ob interob"ektivnosti* [On interobjectivity], ed. by V. Vakhstein. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 169–199. (In Russian)

Latour, B. *Paster. Voyna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [The Pasteurization of France], trans. by A.B. Dyakov. St. Petersburg: European University Publ., 2015. 316 pp. (In Russian)

Latour, B., Woollgar, S. "Laboratornaya zhizn'. Konstruirovaniye nauchnykh faktov. Glava 2. Antropolog poseshchaet laboratoriyu" [Laboratory Life. The Construction of scientific Facts. Chapter 2. The anthropologist visits the laboratory], trans. by A.G. Kuznetsov, *Sotsiologiya vlasti*, 2012, no. 6–7 (1), pp. 178–234. (In Russian)

List, E. "Tekhnicheskaya ekstsentrichnost'" [Grenzen der Verfügbarekeit. Die Technik, das Subject und das Lebendige], transl. by D.V. Efremenko, *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty (ezhegodnik). Chelovek i mir kiborgov* [Human being: Image and essence. Humanitarian aspects (yearbook). Human being and the cyborg world]. Moscow: URSS Publ., 2009, pp. 178–197. (In Russian)

Lukacs, G. *Oveshchestvlenie i soznanie proletariata* [Reification and consciousness of the proletariat]. 1923 [https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/06.htm, accessed on 20.02.2022]. (In Russian)

Marx, K. "Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda" [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844], in: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed., vol. 42. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1960, pp. 41–174. (In Russian)

Marx, K. "Kapital" [Capital], in: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed., vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1960. 907 pp. (In Russian)

Moravec, H. "Geist ohne Körper – Visionen von der reinen Intelligenz", in: G. Kaiser, D. Matejkovsky, J Fedrovitz (Hg.) *Kultur und Technik mit im 21. Jahrhundert*. Frankfurt am Main, New York, 1993. 439 s.

Napreenko, I. "Delegirovaniye agentnosti v koncepcii Bruno Latoura: kak sobrat' gibridnyj kollektiv kiborgov i antropomorfov?" [Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: how to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs?], *Sociologiya vlasti*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 108–121. (In Russian)

Pisarev, A., Astakhov, S., Gavrilenko, S. "Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka" [Actor-network theory: Incomplete assembly], *Logos*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 1–40. (In Russian)

Plessner, H. *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Die Stufen des Organischen und der Mensch]. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN) Publ., 2004. 368 pp. (In Russian)

Rappoport, A. "Granitsy proektirovaniya" [Design boundaries], *Nekommercheskii nauchnyi Fond "Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo"* [Non-profit Research Foundation "Shchedrovitsky Institute for Development"], 1991 [<http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1991/1/v911rpp0>, accessed on 20.02.2022]. (In Russian)

Rappoport, A. "Proektirovaniye bez prototipov" [Designing without prototypes], *Sait laboratorii proektirovaniya i issledovaniya sotsiokul'turnykh i sotsiotekhnicheskikh system* [Website of the Laboratory of design and research of socio-cultural and sociotechnical systems] [http://priss-laboratory.net.ru/library/library_rappoport.htm, accessed on 20.02.2022]. (In Russian)

Rozin, V. *Filosofiya texniki* [Philosophy of Technology]. Moscow: NOTA BENE Publ., 2001. 456 pp. (In Russian)

Stepin, V.S., Gorokhov, V.G., Rozov, M.A. *Filosofiya nauki i texniki* [Philosophy of Science and Technology]. Moscow: Gardariki Publ., 1999 [<https://gtmarket.ru/library/basis/5348>, accessed on 27.05.2022]. (In Russian)